Я — дом

Я–ДОМ, МАЛЫЙ
Твардовский

Малый, но не тесный; просто у меня каждая вещь знает своё имя, а каждый уголок помнит, для чего родился. Большое сердце у меня — это печь посреди комнаты: шумит ровным дыханием, греет не стены, а тех, кто согласился снять обувь из предубеждений и войти. Малый — потому что простор без берегов превращается в пустыню, а мне важны берега: по ним течёт река внимания. Уютный — потому что в моих окнах свет не для витрины, а для встречи. Полон любви — потому что я не склад мебели, я оркестр тёплых мелочей: шорох пледа, аромат корицы, тик-так часов, и смешной, упрямый чайник, который каждый раз доказывает, что вечность измеряется свистком.

Почему так? Потому что маленький дом проще отапливать собственным сердцем. Большое сердце — это котёл на дровах смысла: подкинешь полено благодарности, и сквозняк сомнений превращается в ветер, который гонит корабли, а не выдувает тепло. Я знаю цену квадратным метрам тишины: в огромных залах эхо говорит громче гостя, а в моих комнатах даже шёпот идеей становится. Малость — это не дефицит, это точность; как в иконописи: немного золота и вдруг целое небо.

Фундамент у меня из признаний, что я не совершенен. Там влажно, как в подвалах памяти, где стоят банки с соленьями старых ошибок: полезно, если не открывать каждую ночь. Стены — это границы, нарисованные тёплой рукой: не заборы, а объятия формы. Окна — мои глаза, я их мою от новостей, как от уличной пыли: пусть солнце заходит без пропуска. Дверь — моя воля; замок не от людей, а от собственных порывов бежать туда, где меня нет. Крыша — вера: иногда протекает, и я тогда подставляю тазик и смеюсь — значит, небеса вспомнили мой адрес. Чердак — мечты: там шуршит будущее, как мышь, и иногда грызёт коробки с «никогда». Под лестницей живёт страх пыли: я его уважаю, он напоминает — наводи порядок в обещаниях.

Я учусь у старых изб: чем меньше дом, тем шире стол. Гости приходят зимой: кто хлеб приносит, кто соль, кто—повестку дня из большого мира. Я всех сажаю на тёплый коврик здравого смысла, наливаю чай из самовара и слушаю, как у кого скрипят

двери. Некоторые приносят свои сквозняки и пытаются поставить их у меня на постоянку. Я улыбаюсь: «Сквозняки — это к свободе, но пусть у нас они будут сквозить только между комнатой и небом». И открываю форточку проветрить разговор.

Социально я небогат, зато энергоэффективен: вместо элитного холла — прихожая, где снимают обувь с камней за пазухой. Вместо ковровых дорожек — дорожки настроения, устланные маленькими «спасибо» и «прости». У меня нет лифта, только ступени, и каждая ступенька — как молитва: выше шаг — шире обзор. Интернет у меня хороший: Wi-Fi ловит даже в душе совести, пароль простой: «будь». Роутер стоит на алтаре тишины, и когда лампочка моргает, я воспринимаю это как знак: обнови прошивку отношений. Лампадка на кухне — для тех случаев, когда свет есть, а ясности нет. Иконостас не выставочный — в нём место для лиц, которые я люблю, даже если они пока улыбаются с детсадовских рисунков на холодильнике. Магнитики — мои маленькие паломничества: не в города, а в состояния.

Я — дом с правилами.
Первое: входя, оставляй у порога громкость.
Второе: не хлопай дверями — хлопают обычно те, кто не умеет хлопать ресницами.
Третье: если заблудился в себе — иди на запах кофе.
Четвёртое: не путай кладовую с алтарём — запасы важны, но святое — то, что нельзя запасти, только разделить.
Пятое: мусор выносим вместе; и да, контейнер для обид и раздельный сбор.

Эзотерически я устроен просто:
гостиная — сердце,
кухня — солнечное сплетение, где варятся решения;
ванная — место крещения ежедневностью;
спальня — пещера, где ангелы поправляют одеяло;
прихожая — корень, в который ввинчиваются ботинки реальности.
На крыше флюгер-ум бежит за ветром новостей, но я привязал к нему ленточку внимания — пусть помнит, откуда поднимается

вкусный запах супа.
Дымоход — моя молитва: выпускаю вверх то, что уже стало теплом.
Иногда из подвала поднимается скрип далёкого прошлого — это старые балки просят йогу. Я кладу на них коврик и делаю пару растяжек — деревянные конструкции любят, когда их слышат телом.

История у меня на стенах: побелка из 90-х, плитка из эпохи «купим завтра», пол из рабфака терпения. Я пережил пару ремонтов — они, как революции, громкие, но потом всё равно жить. Я понял: ремонт не заканчивается, он просто научился носить галстук. Выключатели — как институты; работают — и уже праздник. Соседи — коллективное бессознательное: сверху иногда капает смысл, снизу гремит быт. Мы здороваемся на лестнице, обмен допотопной эмпатией: «Как у вас?» — «По стенам не течёт, и уже хорошо».

Почему же я именно такой — малый, уютный, с большим сердцем? Потому что любовь плохо разносится по холодным ангарным пространствам: ей нужен резонатор, как у гитарной деки. Малый дом резонирует точнее: нажал ладонь на подоконник — и слышишь, как мир настраивается по твоей ноте. Уют — это когда плечи опускаются сами, потому что стулья знают форму твоей спины. Большое сердце — это отопление смысла, отопительная система, где радиаторами служат люди: греются — и вдруг светлеют окна. Когда сердце широкое, все комнаты связаны тёплыми трубами: слово из кухни доходит до спальни без потерь, и даже холодильник перестаёт гудеть тревогой о будущем и начинает тихо медитировать — хотя он, конечно, иногда съедает моё вдохновение на ночь.

Я — дом, в котором можно быть. Не «побыть кем-то», а «быть». Если тебе холодно — мой плед серьёзно смешной. Если шумно — у меня есть тишина в банках, открываем по праздникам и будням. Если темно — включу свет, но сперва спрошу: может, это ночь, которая пришла рассказывать звёздную историю? И когда ты уходишь, я не закрываюсь, я просто становлюсь снова собой:

малым, но точным, как молитва перед хлебом; уютным, как смех ребёнка в коридоре; полным любви, как кастрюля, которая всегда почему-то больше, чем выглядит. Сердце моё большое не потому, что гордость, а потому, что иначе не помещаются гости. А гости — это и ты, и твоя тень, и твой свет. Разувайтесь. Тут тёплый пол — он сделан из благодарности.